

УДК 338.12:330.101.54

UDC 338.12:330.101.54

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ
В СОВРЕМЕННОЙ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

**ECONOMIC CYCLES IN THE MODERN
MACROECONOMIC THEORY**

Андреев Сергей Юрьевич

Andreev Sergey Yurievich

к.э.н.

Cand.Econ.Sci., associate professor

ФГБОУ «Кубанский государственный аграрный университет», Краснодар, Россия

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

В статье дается обзор теорий кризисов перепроизводства промышленного капитала, созданных представителями классической политической экономии и ряда школ неоклассического направления. Рассматриваются факторы формирования экономического цикла в современной российской экономике

The article reviews the theories on the overproduction cycles of the industrial capital created by the representatives of the classic political economy and a number of neoclassic schools. The economic cycle formation factors in modern Russian economy are reviewed

Ключевые слова: ЦИКЛИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦИКЛ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ, ПРИЧИНЫ КРИЗИСА, ПЕРИОДИЧНОСТЬ КРИЗИСОВ

Keywords: CYCLIC DEVELOPMENT, INDUSTRIAL CYCLE, ECONOMIC CRISES, CAUSES OF CRISES, PERIODICITY OF CRISES

Полноценный циклический кризис перепроизводства промышленного капитала впервые произошел в Англии (1825 г.). Следующий кризис (1836 г.) охватил экономику двух на то время передовых стран – Англии и Франции, а кризис 1847–1848 гг. – экономику ряда стран Европы и Соединенные Штаты Америки.

Представители политэкономии, увидев в первых двух кризисах сбывающуюся закономерность, уже после второго кризиса сделали обобщение. Так, С. Сисмонди, полемизируя с Ж.Б. Сэем и Д. Рикардо, в своей работе «Новые начала политической экономии» (1819), а позднее в «Очерках политической экономии» (1837) писал, что кризисы «являются не случайностью, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды... Все страны, где производство превышает потребление, устремляют свои взоры на внешний рынок..., но мировой рынок так же ограничен, как и рынок каждой страны». Это и приводит «повсюду к превышению производства над спросом и тогда, быстро опережая потребление, производство порождает жестокие бедствия». С. Сисмонди по сути дела первым обозначил проблему кризисов, объясняя их недопотреблением рабочих. Он был первым критиком теории экономического либерализма и первым идеологом государственного вмешательства в экономику [18].

Понимание того, что циклические кризисы являются закономерной чертой капиталистической экономики и связаны с перепроизводством промышленного капитала, пришло в середине XIX столетия благодаря К. Марксу и Ф. Энгельсу. В фундаментальном труде «Капитал» впервые были описаны фазы цикла, сделана попытка обосновать время среднесрочных циклов (10 лет), проанализированы причины и приведена догадка о материальной основе циклических кризисов. Методологические особенности исследований экономических циклов К. Маркса состоят в

следующем. Во-первых, К. Маркс различал возможности, предпосылки и неизбежность кризиса. Кризис является неизбежным проявлением общественной природы капитала, без которого капитал не может ни существовать, ни развиваться. Во-вторых, он показал, что цикл является чертой не только сферы обращения, но и производства. В-третьих, цикл присущ не рыночной экономике вообще, а движению промышленного капитала, который одновременно существует в трех функциональных формах (денежной, производительной и товарной). В-четвертых, он отмечал необходимость рассматривать природу цикла на разных ступенях абстракции – от глубинных до поверхностных, так как каждый кризис является следствием совокупности причин разной глубины и относительно случайных факторов. В-пятых, К. Маркс не просто обратил внимание на то, что цикл начал формироваться с победы крупного капиталистического машинного производства, но и впервые экономически объяснил формирование циклического характера развития рыночной экономики. В-шестых, выдвинул гипотезу, объясняющую продолжительность типичного цикла для своего времени и материальную основу этой продолжительности [9].

К. Маркс писал, что при абстрагировании от различных усложняющих анализ обстоятельств, кризис можно было бы объяснить несоразмерностью производства в различных отраслях и несоразмерностью между потреблением самих капиталистов и их накоплением. Присваиваемая капиталистами прибавочная стоимость многократно больше их непроизводительного (личного) потребления. В то же время «потребительная способность рабочих ограничена частью законами заработной платы, частью тем, что рабочие лишь до тех пор находят себе занятие, пока они могут быть использованы с прибылью для капиталистов». Действительно, в годы кризисов и депрессий растет армия безработных, платежеспособный спрос их заметно снижается. К. Маркс завершает свою

мысль следующим образом: «Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества». Это абстрактное обобщение К. Маркс обосновал в «Капитале», сугубо экономически опираясь на фактические доказательства.

Несмотря на то, что у К. Маркса и Ф. Энгельса была сформулирована теория кризисов и доказана методология исследования, среди марксистов есть разночтения в трактовке идей К. Маркса. Рассмотрим два вида этих трактовок, которые, на наш взгляд, не взаимоисключают, а дополняют друг друга [9].

Согласно первой трактовке, экономической причиной кризисов является перенакопление промышленного капитала. Сначала оно проявляется, преимущественно, в товарной форме (XIX в. и первая половина XX в.), а затем в производительной форме, форме недогрузки производственных мощностей (преобладает после Второй мировой войны). Относительное перенакопление – это перенакопление покупательского спроса населения, в котором преобладает спрос наемных работников (в так называемом чистом капитализме – капитализм XVIII–XX вв.). В связи с тем, что промышленный капитал в его товарной форме растет быстрее, чем покупательский спрос населения, то происходит относительное перенакопление промышленного капитала. Когда предложение товаров на данном рынке становится устойчиво больше спроса, тогда кризис сбыта рано или поздно становится неизбежным.

Согласно второй трактовке теории кризисов, связываются глубинные причины кризиса с законом роста органического строения капитала, открытого также К. Марксом. Органическое строение капитала – это отношение постоянного капитала к переменному капиталу. К. Маркс

показал, что данное отношение начинает заметно расти по мере втягивания капитализма в машинную фазу производства. Поэтому по мере этого втягивания и начинает формироваться промышленный цикл (раньше всего данный процесс начался именно в Англии – пионере промышленной революции, затем – во Франции). Однако это объясняет только причины времени появления цикла – начало XIX в.

В своих трудах Й. Шумпетер отмечал, что К. Маркс «без конца подчеркивает растущую нищету трудящихся масс», что «близость учения Маркса к учению Сисмонди очевидна в его «объяснении кризисов», а также «в теории прибавочной стоимости и в других местах». Хотя научный уровень экономических учений имеет качественные различия. В частности работы К. Маркса глубже, системнее, доказательнее [16].

По К. Марксу, в ходе цикла деловая жизнь последовательно переживает периоды: ослабления, среднего оживления, стремительного подъема, кризиса. Он одним из первых ввел в оборот и проанализировал природу фаз цикла, а кризис считал циклообразующей фазой. В XX в. такой подход получил развитие в теориях «больших циклов конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева и «волнах инноваций» И. Шумпетера, в технико-экономических укладах С.Ю. Глазьева.

«Если рассматривать общество в целом, – пишет К. Маркс, – то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов». В этом глубоком по смыслу высказывании – будущее экономики и время очередного цикла, напрямую зависящие от того, что за техника и технологии приходят на смену морально устаревшим, сколько лет они смогут обеспечивать экономический рост. Таким образом, фаза кризиса дает начало вынужденной адаптации капиталистического производства к новым технологическим и потребительским условиям. Все эти вопросы актуальны и в наше время [9].

В начале XX в. французские ученые Ш. Жид и Ш. Рист, говоря о

природе кризисов, называют подход основоположников марксизма «теорией катастроф», а неомарксисты (Э. Бернштейн и др.) уже не верят в нее и отмечали, что экономические кризисы в настоящее время «уже не представляются такими грозными для капитализма, какими видел их Маркс». Эти экономисты, как и многие другие, в начале XX в. еще не представляли – насколько разрушительным может быть кризис, разразившийся всего лишь через четверть века (1929 г.). Тем не менее, марксисты оказались более точными в определении долговременных судеб капитализма [12].

Несмотря на некоторые слабости своего в целом очень глубокого анализа, влияние К. Маркса и Ф. Энгельса дало мощный импульс для работ более молодых ученых и политиков на данные темы: М.И. Туган-Барановский («Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь», 1894 г.), К. Каутский («Теории кризисов», 1902г.), Р. Гильфердинг («Финансовый капитал», 1910 г.), А. Афталъон («Периодические кризисы перепроизводства», 1913 г.), В.И. Ленин («Империализм как высшая стадия капитализма», 1916 г.), Н.Д. Кондратьев («Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны», 1922 г. и «Большие циклы конъюнктуры», 1928 г.).

«Великая депрессия» 1929–1933гг. привела к появлению многих научных работ о циклических кризисах, которые рассматривались как в политэкономическом, так и в экономико-математическом аспектах. Среди них: Дж. Кейнс («Общая теория занятости, процента и денег», 1936 г.), Р. Харрод («Торговый цикл», 1936 г.), Г. Хаберлер («Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний», 1937 г.), Й. Шумпетер («Экономические циклы», 1939 г.), П. Самуэльсон («Взаимодействие анализа мультипликатора и принципа акселерации», 1939 г.), Д. Хикс («К теории экономического цикла», 1950 г.), Э. Хансен («Экономические циклы и национальный доход», 1951 г.) и др. [12].

В неоклассических работах XX в. выделяют три основных вида теорий, объясняющих причины циклических кризисов. Первую теорию можно назвать инвестиционной. Причины циклических подъемов и спадов увязываются с влиянием циклов капиталовложений. Вложение инвестиций в какой-то период времени носит кумулятивный характер, этот процесс сам себя усиливает. Растущий сбыт стимулирует производителей увеличивать инвестиции. В результате наблюдается экономический рост, занятость увеличивается, безработица сокращается до минимума. Э. Хансен по этому поводу сделал тонкое наблюдение: «Стремление продлить тот или иной достигнутый уровень стимулированных инвестиций покоится на весьма ненадежной основе – на расчете, что будут сохраняться прежние темпы роста конечного реального спроса». Наступает момент, когда инвестиционный бум неизбежно упирается в ограниченный для данного цикла спрос и сменяется сокращением (спадом) производства [15].

Вторую теорию связывают с именем И. Шумпетера, с его «волнами инноваций». Они основаны на использовании технических нововведений. Эти нововведения дают толчок долговременному экономическому росту, который со временем сокращается, пока не появится новая крупная инновация. Однако такая концепция в основном характеризует не среднесрочный цикл, а большие экономические циклы. К этому же направлению следует отнести и работы Н.Д. Кондратьева.

Третью теорию можно назвать монетарной. Монетаристы объясняют причину циклического, волнообразного развития экономики периодическими расширениями и сжатиями денежной массы. Одна из объективных причин популярности монетаризма заключается в том, что по мере развития современного капитализма роль финансовых отношений, финансового сектора и монетарных факторов в экономике и цикле действительно возрастает, поэтому растущий учет этих факторов в объяснении кризисов вполне правомерен.

Необходимо отметить, что относительно классического наследия эти неоклассические подходы в целом следует рассматривать как более конкретные, но не отрицающие основного массива идей классиков политэкономии.

Следует учитывать тот факт, что существует множество обстоятельств, которые сильно влияют на ход конкретных кризисов в конкретных странах (например: валютно-финансовые и аграрные кризисы, войны, политические потрясения, революции, случайные события вроде решения стран ОПЕК в 1973 г., неудачи в действиях регулирующих государственных органов и др.).

К ним примыкает и масса попыток теоретического обоснования государственного вмешательства в экономическое развитие. Меры государственного антикризисного регулирования разрабатываются на основе представлений о конкретных причинах конкретных кризисов в конкретных странах. Эти взгляды получили наибольшее распространение после Второй мировой войны, когда, во-первых, стали отчетливо наблюдаться асинхронность большей части национальных циклов и их неравномерный характер в отличие от циклов XIX в. и первой половины XX в. Другой особенностью послевоенного цикла является преобладание перепроизводства промышленного капитала не в товарной форме, а в форме перепроизводства производительного капитала. Третье обстоятельство: предпринимательский класс так или иначе учится на опыте своих предшественников и старается не допустить перепроизводства товаров, он более аккуратно следит за рыночной конъюнктурой и при первых признаках приближения кризиса сдерживает производство для того, чтобы работать не на склад. Поэтому перепроизводство промышленного капитала принимает форму увеличения недогрузки производственных мощностей. Еще одним важным обстоятельством следует считать постепенную интернационализацию и глобализацию мирового

производства; к указанным противоречиям добавляется противоречие между планомерностью в пределах национальной экономики и анархией в пределах мирового капиталистического хозяйства. В мире давно сформировалась группа стран, внутренние причины цикла которых все сильнее влияют на экономику стран периферийного капитализма. В связи с этим отметим значительный вклад в теорию кризисов основоположника эмпирического направления институционализма У. Митчелла [13].

Утверждать, что все упомянутые концепции особенно противоречат друг другу в своей основе, неверно. Скорее, их можно рассматривать как шаги в восхождении от абстрактного к конкретному в исследовании проблемы циклического развития.

Нам представляется, что основной причиной отсутствия в экономической науке единой и общепризнанной теории кризисов являются не методологические и идеологические расхождения ученых, а сама реальная экономика, которая как объект исследования все время меняется. В этом объекте глубокие, сущностные причины остаются в принципе неизменными, но над ними изменяется иерархия факторов под влиянием меняющейся мировой экономики. К данным факторам можно отнести: технологические изменения (и их революции), глобализацию экономической жизни, перемены в рамках межстрановых связей и их группировок, изменения валютных систем, растущую роль финансового сектора в мировой экономике и др. По мере накопления изменений в реальной экономике возникают новые теоретические построения, больше адаптированные к новым условиям, внешне, в разных своих компонентах отрицающие предыдущие теории. Затем становится ясно, что это отрицание было избыточным и находятся основания для частичного возвращения к некоторым положениям старых теорий. Отсюда наличие многочисленных теорий с приставкой «нео».

Во временном аспекте под влиянием известных систематизаторов Й.

Шумпетера и Э. Хансена в экономической литературе различают три типа циклов: краткосрочные циклы Китчина (2–4 года), среднесрочные циклы Жугляра (8–10 лет), длинные волны конъюнктуры Н.Д. Кондратьева (50 лет и более) [17].

Отметим также методологическую основу гипотезы Н.Д. Кондратьева, который первым из экономистов сделал попытку обосновать длинные волны конъюнктуры на основе изучения технико-экономических факторов – динамики товарных цен, процентных ставок, номинальной зарплаты, оборота внешней торговли, добычи и потребления угля, производства чугуна и свинца. Он выделил 2,5 цикла за 140 лет [6]:

Первый цикл. Повышательная волна – с 1787–1792 гг. по 1810–1817 гг.; понижательная волна – с 1810–1817 гг. по 1844–1851 гг.

Второй цикл. Повышательная волна – с 1844–1851 гг. по 1870–1875 гг.; понижательная волна – с 1870–1875 гг. по 1890–1896 гг.

Третий цикл. Повышательная волна – с 1890–1896 гг. по 1914–1920 гг.

Временной период длинных волн и времени циклов – примерно 48–55 лет – некоторые современные авторы ставят под сомнение (С. Губанов, И. Бестужев-Лада, Ю. Давыдов, А. Сеницкий). Другие авторы, напротив, ее поддерживают и активно развивают в теории технико-экономических укладов (С.Ю. Глазьев, Г.И. Микерин, С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко, Ю.В. Яковец, С.Ю. Румянцева).

Хронология циклических колебаний в современной экономической учебной литературе практически не встречается. Возможно, потому что слишком много кризисов поразило экономику промышленно развитых стран за последние два века. Для краткости перечислим кризисные годы: 1825, 1836, 1847, 1857, 1867, 1873, 1882, 1890, 1900–1903, 1921–1922, 1929–1933 (Великая депрессия), 1937–1938, 1949, 1957–1958, 1960–1961, 1974–1975, 1980–1982. Следует отметить, что не учтены кризисные спады, краткосрочные и промежуточные, которые обычно называются

депрессиями и которых только за послевоенные годы в мире случилось более 80. К этим сведениям следует добавить более поздний кризис в странах Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг., кризис 2001–2003 гг., коснувшийся большинства развитых стран, современный мировой кризис 2008–2011 гг.

Колебания деловой активности в разных странах достаточно сильно различаются по регулярности, глубине, конкретным причинам возникновения. Характерная для последних десятилетий стагфляция, неожиданно возникающая то в одной, то в другой стране (или группе стран), не может быть преодолена по одинаковому шаблону. Это явление многофакторное и динамическое, и подход к нему в каждой стране и в каждом конкретном случае должен быть своим [1].

На наш взгляд, под цикличностью следует понимать не какой-то определенный период времени, как это трактовалось в старых версиях теории цикла, а любую смену подъема спадом и депрессией. Цикличность – это повторяемость фаз цикла.

Время цикла есть величина переменная и заранее неизвестная. Поэтому очередной кризис всегда является неожиданным по срокам и содержанию, практически всегда он другой, новый, несмотря на частичное сохранение в нем элементов старого содержания. Поэтому и бороться с ним нужно не старыми методами, а новыми. К тому же в условиях глобализации он для какой-то конкретной страны может носить экзогенный характер, а это затрудняет борьбу с ним. Для борьбы с такими кризисами нужны совместные усилия международного сообщества.

Проблемами циклов занимались и все больше занимаются математики. К примеру, норвежский экономист-математик Р. Фриш в работе «Проблемы распространения и проблемы импульса» (1933 г.) развил идею импульсно-распространительной теории циклов.

Выделяют несколько типов шоков (импульсов): шоки предложения,

шоки в спросе частного сектора, политические шоки, природные катаклизмы. В их появлении много случайного, факторы переплетаются и накладываются друг на друга, велика роль ожиданий. Следует различать предпосылки циклических кризисов и событий, выступающих в роли пусковых импульсов конкретных кризисов. Механизмы распространения циклических колебаний, вызванных случайными импульсами, трактуются разными теоретиками по-разному, в том числе с помощью эффекта мультипликатора-акселератора (П. Самуэльсон, Д. Хикс) [8].

Дж. Кейнс объяснял наступление фазы кризиса падением предельной эффективности капитала, последующим уменьшением инвестиций и совокупного спроса в целом. Природа самого инвестиционного импульса объясняется неустойчивостью ожиданий экономических субъектов в отношении прибыльности, не вполне определенными «животными инстинктами инвесторов». Дж. Кейнс сделал вывод о необходимости государственного антикризисного регулирования и борьбы с безработицей за счет расширения совокупного спроса. Развернутой теории по определению времени циклов, их прогнозированию и предупреждению Дж. Кейнс не предложил. Объяснение фактора времени в экономическом цикле предлагал искать в причинах, обуславливающих восстановление предельной эффективности капитала. Таким образом, Дж. Кейнс пишет о времени цикла несколько умозрительно, не иллюстрируя свои рассуждения примерами из истории циклических кризисов. Возможно, потому что еще не было надежной макроэкономической статистики, международных сопоставлений [4].

Монетаристы во главе с М. Фридменом утверждают, что большинству циклических кризисов предшествуют периодические изменения денежной массы, что частично объединяет монетаристов и кейнсианцев. С другой стороны, объясняя причины кризисов 1974–1975 гг. и 1980–1982 гг., проявившихся в одновременном сокращении производства, росте

безработицы и инфляции, они показали ограниченность кейнсианской теории, поскольку политика, направленная на расширение совокупного спроса, только увеличила бы инфляцию. Следует заметить, что ни о каких объективно заданных или теоретически обоснованных временных интервалах между кризисами эта научная школа также не сообщает [12].

Р. Лукас считает, что неожиданные изменения денежной массы, имевшие место до 1970-х гг., действительно приводили к временно высокой инфляции и временно низкой безработице в связи с соответствующими колебаниями совокупного спроса. Когда же власти попытались это делать осознанно и гласно, то изменения денежной массы стали предсказуемыми. По его мнению, кейнсианская теория напрасно игнорировала оптимальное поведение экономических агентов, включающее формирование рациональных ожиданий. Экономические агенты «делают в среднем верные прогнозы будущего состояния экономики и ведут себя оптимально, т.е. максимизируют свою прибыль и благосостояние». Таким образом, когда власти в 1970-е годы объявили о том, что они начинают печатать деньги, производители стали ожидать грядущую инфляцию и немедленно отреагировали на это повышением цен. Они понимали, что иначе им придется производить большие объемы товаров и продавать их по заниженным ценам». Тем самым теория Дж. Кейнса была несколько поколеблена [3].

Ф. Кюдланд и Э. Прескотт разработали теорию «реальных экономических циклов». Они, соглашаясь с теорией рациональных ожиданий Р. Лукаса, объясняют все колебания экономики как равновесное явление и предполагают, что фирмы всегда максимизируют свою прибыль, а инвестиции увязывают с ожиданиями будущего спроса на их продукцию. Домохозяйства также ведут себя оптимально. Эти ученые разработали соответствующие динамические модели и показали, какое поведение основных макроэкономических переменных (ВВП, инвестиции,

сбережения, экспорт, импорт) следует ожидать в зависимости от воздействия технологических шоков на производительность труда и изменений внешней конъюнктуры. Практические рекомендации Ф. Кюдланда и Э. Прескотта заключаются в минимизации государственного вмешательства в экономику, поскольку рыночной экономике присуще саморегулирование [3].

«Новые кейнсианцы» (Г. Мэнкью, Б. Бернанке, Дж. Стиглиц и др.) учли теории о рациональных ожиданиях и оптимальном поведении агентов. По их мнению макроэкономика не находится в равновесии, ею движет совокупный спрос, а не технологические сдвиги и производительность труда.

А.В. Синицкий при исследовании технико-экономических укладов (парадигм) использовал современные экономико-математические модели. Он пришел к следующим выводам: «Современная теория технико-экономических укладов ушла далеко вперед от концепции кондратьевских волн... Во-первых, она делает акцент не на изучении рядов, взятых по отдельности друг от друга, а на содержательном анализе взаимосвязи реальных экономических и технологических показателей. Во-вторых, она не предполагает постоянной длины циклов. В-третьих, теория укладов в принципе может допускать разные формы движения, а не только строго периодическую». Он совершенно правильно ставит под сомнение правильность укоренившихся в литературе положений относительно числа, времени (примерно 50 лет) и содержания технико-экономических укладов, тесно связанных с теориями длинных волн Н.Д. Кондратьева и «волн инноваций» или процесса «созидательного разрушения» Й. Шумпетера [13].

С.Ю. Глазьев, напротив, считает, что пятый уклад с ключевыми факторами в виде микроэлектроники и программного обеспечения в настоящее время заканчивается и начинается шестой уклад, что уже видны его ключевые основы – нанотехнологии, клеточные технологии, методы

генной инженерии. По его мнению, «выход из нынешнего глобального кризиса предполагает становление нового технологического уклада» [2].

Вышеперечисленные теоретические концепции можно считать относительно абстрактными. Анализ каждого кризиса в отдельной стране всегда является более конкретным делом. Если обратиться к российскому опыту и кризисной ситуации 2008–2011 гг., то отметим тот факт, что для объяснения современного российского кризиса нет необходимости обращаться к общей теории кризисов, так как он был вызван экзогенными причинами. Необходимо также учитывать, что в России за последние 40 лет это уже четвертый экономический кризис, если иметь в виду такую важную характеристику кризиса, как падение валового продукта при длительности не менее одного года (1979–1982 гг., 1988–1991 гг., 1998 г., 2008–2011 гг.). Природа этих кризисов различна.

Для России в составе СССР экономический кризис 1979–1982 гг. не был типичным кризисом перепроизводства капитала, так как советская экономика не была ни рыночной, ни капиталистической. Четырехлетний спад был проявлением всестороннего системного кризиса СССР, который завершился крахом ее экономики и страны в целом через несколько лет. Внешними импульсами начала кризиса были второстепенные события: необычно суровая зима 1978–1979 гг. с многочисленными техническими авариями и перерасходами ресурсов, значительные для страны разовые затраты на подготовку Олимпийских игр в Москве, начавшееся вторжение в Афганистан, а также общее снижение управляемости экономикой страны из-за ситуации в высшем руководстве. Это начало кризиса «поддержал» настоящий циклический кризис капиталистической экономики 1980 г., оказавшийся самым значительным после Великой депрессии 1929–1933 гг.

Зависимость нашей экономики от кризисного положения капиталистических стран проявилась в результате значительного снижения цен на энергоносители на мировом рынке (начало 1980 г.), что, в свою

очередь, обнажило уже сформировавшуюся, хотя еще только в начальной стадии, зависимость советской экономики от экспортных доходов.

Важно отметить, что с 1972–1973 гг. производительность труда в отечественной экономике перестала расти, по общему мнению, и даже советских экспертов. Рост национального дохода мог обеспечиваться за счет экстенсивного фактора, а именно – увеличения массы занятого труда. В 1970-е гг. демографический фон развития советской экономики стал неблагоприятным: отрицательные темпы роста населения, снижение численности работоспособных работников стали проявляться уже с конца 1960-х гг. Другим важным фактором замедления темпов роста советской экономики в 1970-е гг. было ускорявшееся снижение фондоотдачи. Эти два фактора в совокупности привели к постепенному снижению темпов роста национального дохода, что отчетливо наблюдалось на протяжении 70-х гг. В тот период практически единственными источниками роста доходов являлись валютные поступления от нараставшего экспорта нефти.

Быстрый рост объемов экспорта в натуральном выражении и многократный рост нефтяных цен после нефтяного шока 1973-1974 гг. привели к значительным поступлениям доходов в казну. За счет нефтедолларов в огромных масштабах закупались товары потребления и оборудование, не производившиеся в нашей стране. Создавалась поверхностная картина относительного благополучия в экономике, приемлемого для страны уровня зависимости от внешней торговли. Однако в начале 1980-х гг. нефтяные цены стремительно упали, в результате выяснилась неожиданная зависимость страны от нефтедолларов на фоне снижения эффективности собственной экономики, что и привело к сильному отрицательному росту в советской экономике на протяжении 1979–1982 гг. Для советской экономики это был настоящий экономический кризис, но руководство страны не смогло адекватно оценить ситуацию, отреагировать на предупреждения экспертов из академических кругов.

Данная ситуация повторилась в конце 1980-х гг., когда глубина системного кризиса и проблемы в финансовой сфере были таковы, что советская экономика в течение нескольких лет просто рухнула. Зависимость ставшей внутренне слабой и низкоэффективной советской экономики от мирового капиталистического цикла оказалась на этот раз роковой. К небольшому мировому кризису добавились меры американского антисоветски настроенного руководства, которое, ощутив нараставшие слабости Советского Союза, смогло оказать сильное влияние на мировые нефтяные цены через крупнейшего экспортера нефти – Саудовскую Аравию.

Третий российский кризис (в конце 90-х гг.) также еще не был внутрироссийским циклическим кризисом перепроизводства капитала, поскольку экономика была только в стадии формирования капиталистического рынка и соответствующих ему институтов. Причины его образования связаны, с одной стороны, с тем, что он стал следствием особой модели переходной экономики, выбранной тогдашней группировкой российского правящего класса, а с другой – из-за внешнего фактора, выраженного зависимостью экономики страны от экспортных нефтяных цен и нефтедолларов. Когда мировые цены на нефть вновь обвалились из-за начавшегося (но окончательно не развернувшегося) циклического кризиса мировой капиталистической экономики, приток нефтедолларов в страну резко сократился, хрупкое финансовое равновесие страны оказалось резко нарушенным. Временное падение мировых нефтяных цен не было непосредственной причиной дефолта и крупной девальвации рубля, но оказалось резким ударом по сложившейся, но очень слабой финансовой системе страны. Данное обстоятельство наглядно отразило факт выросшей зависимости российской экономики и благополучия страны от нефтедолларов. В этот период внутрироссийский экономический фон характеризовался такими событиями, как

значительное снижение объемов производства и национального дохода в течение семи кризисных лет, золотовалютные резервы были истощены до предела, правящая верхушка страны вела антипатриотическую политику, внешний долг возрастал быстрыми темпами, долговая нагрузка на бюджет была огромной.

После событий 2000–2007 гг. поступления в бюджет доходов от добычи и экспорта нефти существенно увеличились благодаря устойчивому росту мировых нефтяных цен. По мнению правительственных экспертов, ожидалось, что 2008-й окажется годом завершения переходного периода. Экономика демонстрировала высокие темпы роста, существенно увеличились золотовалютные резервы России, внешний государственный долг страны был снижен до беспрецедентно низкого уровня, суверенные фонды достигли астрономических величин. Казалось, что российская экономика сильно развилась и недоступна для мировых кризисов. Однако мировой кризис затронул Россию в конце лета 2008 г., а каналом проникновения мирового кризиса в отечественную экономику оказались «нефтяная и газовая трубы», а внутренние факторы лишь усугубили ход и проявления этого кризиса. Из-за снизившегося спроса на нефть (а затем на газ и металлы) и четырехкратного падения мировых цен на нефть российская экономика получила сильный удар. Таким образом, внутренних причин для современного экономического кризиса в России не было, и говорить о перепроизводстве промышленного капитала в нашей экономике пока не приходится.

В результате этого кризиса российская экономика вновь откатилась на 12 место в мире по объему ВВП. Предыдущие восемь лет, в течение которых страна примерно с 12–14-го места продвинулась на седьмое по итогам 2007 г., оказались вновь перечеркнуты. Из двух десятков крупнейших и средних по размерам экономик мира мы оказались вторыми по глубине падения производства [7].

Обобщая вышесказанное, отметим, что ровно два десятилетия (1991–2011 гг.) российская экономика по величине ВВП топчется на месте, более того, по ряду социально-экономических показателей мы не можем выйти на уровень 1990 г. Данное положение объясняется результатом действия трех разрушительных кризисов: сугубо внутреннего по своим причинам, связанного с трансформацией экономического уклада (в 1991–1996 гг.) и двух циклических (в 1998г. и 2008–2011гг.) экзогенного происхождения. Уровень производительности труда в стране за эти два десятилетия практически не вырос.

Кризис 2008–2011 гг. показывает, что Россия окончательно превратилась в страну периферийного зависимого капитализма, несмотря на ряд сохраняющихся признаков великой державы. По этой причине и антикризисные меры российского правительства похожи на монетарные методы, используемые в развитых странах, что, в свою очередь, скрывает истинную природу нашего кризиса, делает ее похожей на «западную».

Формирование собственного цикла перепроизводства промышленного капитала в России – дело будущего, но это будущее весьма туманно ввиду отсутствия значимых структурных перемен в общественном производстве, дефицита прямых инвестиций, направленных на модернизацию производственных фондов, отсутствия полноценной протекционистской политики и других причин. В то же время отмечаем, что наша страна прошла четыре цикла, внешне похожих на классические.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 3–19.
2. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов // Персональная страница С.Ю. Глазьева. URL: <http://www.glazjev.ru/sciencexpert/84/>
3. Замулин О. Концепция реальных экономических циклов и ее роль в эволюции макроэкономической теории // Вопросы экономики. – 2005. – № 1. – С. 148.
4. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М., 1978. – 341 с.
5. Колодко Г. Неолиберализм и мировой экономический кризис // Вопросы экономики. – 2010. – № 3. – С.56–64.
6. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989. – 412 с.
7. Лексин В. Россия до, во время и после глобального кризиса // Российский экономический журнал. – 2009. – № 7–8. С. 3–34.
8. Макроэкономика: учебник / Г.С. Вечканов. – СПб.: Питер, 2009. 560 с.
9. Маркс К. Капитал. Т. 3. – М., 1970. – С. 208, 532–534.
10. Медведев Р., Медведев Ж. Экономический кризис – не трагедия, а толчок к обновлению в мире // ЭКО. – 2010. – № 2. С. 35–43.
11. Минаев С. С чего начинаются кризисы // Коммерсантъ-Власть. – 2010. – № 10. – С. 42–43.
12. Сакс Д., Ларрен Ф. Макроэкономика. Глобальный подход. – М., 1996. – С. 560.
13. Синицкий А.В. К количественной теории технико-экономических укладов // Вести. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 2005. – № 6. – С. 18.
14. Удалов Д.А. Энергетический фактор экономического кризиса // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 9. – С. 60–72.
15. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. – М., 1959. – С. 605.
16. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995. – С. 56–57, 76–77.
17. Экономика: Учебник/ Под ред. А.С. Булатова. – М., 2005. – 734 с.
18. Ядгаров Я.С. История экономических учений. – М., 2004. – С. 217–218.